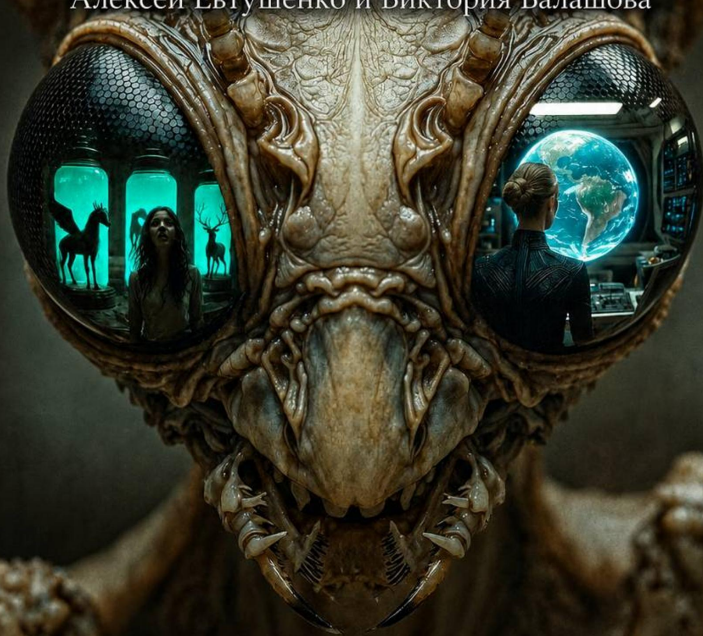

ПРОЕКТ ГЕМИНА

Алексей Евтушенко и Виктория Балашова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лекарство не должно
чувствовать боль пациента

18+

Алексей Евтушенко

Проект "Гемина"

<https://litres.ru/74302683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктория — дочь ветеринара, погибшего от сердечного приступа. Разбирая его кабинет, она находит дневник, фотографию странного приюта и кодовое имя: OrbisMed. Одна ночь в заброшенной больнице — и её мир рушится. Под видом приюта для животных скрывается лаборатория, где ставят опыты на живых существах, а её отец был не просто свидетелем. Виктория становится мишенью для доктора Вента — создателя проекта «Гемина». Чтобы выжить, ей придётся пройти через космическую тюрьму, потерять себя и стать оружием, которое Вент хочет использовать. Но у оружия есть своя воля. И своя цена.

Содержание

Часть I. Глава 1. Наследие	4
Предисловие	4
Глава 2 Приют «Гемина»	13
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Евтушенко

Проект "Гемина"

Часть I. Глава 1. Наследие

Предисловие

Они обещают улучшение. Сначала я верил — улучшение для животных, для людей. Потом я заметил, что слово изменило значение: из заботы оно стало мерой эффективности. Если я пойду дальше — стану инструментом. Если замолчу — соучастником.

— Из дневника Артема Волкова

Иногда кошмар приходит не во сне, а в слишком идеальной реальности. За безупречным фасадом может скрываться такая тьма, что разум отказывается верить.

Мой отец, всю жизнь лечивший животных, оставил мне лишь фотографию и вопрос. Теперь я знаю ответ. И этот ответ страшнее, чем я могла представить.

Если вы читаете эти строки — значит, мне удалось донести правду. Или... значит, я стала частью системы, которую пыталась уничтожить.

Она вошла в кабинет отца впервые за три месяца.

Дождь начался утром — сначала легко, потом с нарастанием, будто небо прочищало горло. К вечеру он бил в стекло короткими злыми очередями. Кабинет пах старой бумагой и лекарственной пылью — знакомо, как в детстве, и оттого невыносимо.

Виктория стояла у двери, не переступая порога. Три месяца она проходила мимо этой комнаты по несколько раз в день. Три месяца знала, что рано или поздно войдёт. Сейчас, вернувшись под вечер из клиники, она увидела свет из-под двери — это горела настольная лампа, забытая ею самой в тот единственный раз, когда открыли комнату для представителей нотариуса. Свет горел уже три месяца. Она об этом ни разу не подумала.

Мелочь. Но именно она подтолкнула её к входу.

Между томами по ветеринарии на полках стояли скелеты: дрозд со сложенными крыльями, белка с изогнутым позвоночником и крот, застывший в позе бега. Отец собирал их не как коллекцию. Каждый был напоминанием: если ты не сумел спасти — сохрани форму. Виктория знала эту логику и не спорила с ней. Сейчас скелеты выглядели как памятники его собственному отсутствию.

Она подошла к столу. Провела ладонью по столешнице — тёплое дерево, потёртое там, где отец клал локоть, когда писал. На углу стоял автоответчик. Старый, с кассетой. Отец не

доверял ничему, что нельзя разобрать пальцами. Индикатор горел ровно. Виктория смотрела на него секунду, потом отвела взгляд. Не сейчас.

Рядом с автоответчиком — фотография в простой деревянной рамке. Шварцвальд, лето. Она — моложе, смеётся, волосы прилипли ко лбу от жары. Марк обнимает её за плечи. Отец чуть в стороне. Смотрит не в камеру — на Викторию. И улыбается.

Она смотрела на его улыбку и вдруг вспомнила, когда впервые обратила на нее внимание.

Ей двенадцать. Клиника отца. Мальчик лет семи сидит на кушетке, поджав ноги. У него мокрые щёки, губа закушена. Отец сидит перед ним на корточках и рассказывает историю про ежа, которого утром принесли на осмотр. Рассказывает медленно, с паузами, будто вовсе не для того, чтобы отвлечь. Мальчик слушает, но каждый раз, когда отец делает движение к столу с иглой, вздрагивает всем телом.

Виктория остановилась у двери. Она внимательно прислушалась, а затем спокойно произнесла, ни к кому не обращаясь:

— Не надо уговаривать. Пусть боится. Он всё равно получит укол. Если научится, что страх ничего не меняет, — в следующий раз будет легче.

Отец медленно поворачивает голову и долго смотрит на неё. Она замечает, как в его глазах что-то меняется — не гнев и не разочарование, а что-то тягучее, чему в её двена-

дцать лет нет названия.

Затем он улыбается. Точно так же, как на этой фотографии.

Врач делает укол мальчику. Ребёнок начинает плакать, но быстро успокаивается. Отец ласково гладит его по голове и тихо говорит: «Молодец, всё закончилось». Мальчик кивает в ответ, и мать уводит его из кабинета. Отец собирает шприц, аккуратно вытирает стол и моет руки, насвистывая мелодию.

Она положила рамку, чтобы изображение оказалось внизу. Затем быстро и неожиданно для себя коснулась переносицы указательным пальцем и слегка надавила.

— Принято, — сказала она вслух.

Слово вышло сухим, будто из инструкции. И тут же в комнате стало тихо — не потому, что дождь перестал. Просто её голос вернулся из угла кабинета один. Без ответа.

Она заставила себя сесть в отцовское кресло. Кожа скрипнула под её весом. Мгновение показалось, что сейчас отец скажет что-нибудь — привычно, буднично, про то, что она опять не выключает свет. Но в комнате было только дыхание дождя за стеклом.

Дневник Виктория видела всего дважды. Отец писал в него по вечерам, от руки, редко и короткими фразами. Когда она заходила, книга закрывалась, будто ничего и не происходило. Она не спрашивала, он не показывал. В доме были зоны, куда никто не заходил, и это работало.

Теперь заходить было нужно.

Ящик стола всегда был заперт, сколько она себя помнила. Виктория попыталась открыть его — раздался сухой, сопротивляющийся звук. Ключа под столешницей не оказалось. Она не суежилась, не выдвигала ящики хаотично. Осматривала всё методично, как животное перед операцией: сверху вниз, снаружи внутрь, внимательно проверяя каждое место дважды, чтобы ничего не упустить.

Ничего.

Значит, не здесь. Она поднялась и подошла к книжному шкафу.

Отец никогда не прятал важное на виду. Но и не убирал в места, где никто не догадается искать. Он оставлял там, где найдёт тот, кто знает, как он думает.

Виктория провела взглядом по корешкам. Ветеринарная фармакология. Патология млекопитающих. Хирургия мелких животных. Три тома по анатомии птиц — подарок бабушки в год, когда отец начал специализироваться. И между ними — «Атлас клинической анатомии». Толстый, тёмно-зелёный, с выцветшим золотым тиснением.

Ей было десять, когда отец подарил ей атлас и сказал: «Читай с середины, если хочешь понять, где болезнь заканчивается и начинается пациент». Виктория удивилась, почему именно с середины. Он объяснил: «Начало всегда одинаковое».

Она сняла атлас с полки. Открыла на разделе о сердце — там, где заканчивается описание анатомии и начинается фи-

зиология. Между листьями лежал плоский латунный ключ. Никаких пометок. Ничего лишнего.

Ключ подошёл к нужному ящику сразу.

В ящике лежал тот самый дневник в потрёпанном кожаном переплёте и несколько конвертов, стянутых резинкой. Виктория достала дневник. Его обложка оказалась холодной, а сам он оказался тяжелее, чем она думала — внутри хранилось что-то плотное и давно забытое.

Открыла на первой странице. Отцовский почерк — узкий, наклонный вправо, с той характерной точкой над «й», которая всегда казалась ей отдельным знаком.

Февраль 2017. Получил приглашение на семинар OrbisMed. Регенеративная ветеринария, они говорят. Программа выглядит серьёзно, состав приличный. Но в раздаточных материалах слишком часто встречается слово «биоматериал». Ни разу — «пациент». Это не терминология. Это установка.

Виктория перевернула страницу.

Март 2017. Был. Три дня. Половина слушателей — не ветеринары. Люди в костюмах, с бейджами без специальностей. Один задал вопрос о «допустимой смертности пилотных партий» — не понимая, что за столом сидят врачи. Никто не удивился. Я записал вопрос и ответ. Не буду хранить здесь. Не сейчас. Вернулся не тем, кем уехал. Не знаю, стоит ли писать дальше. Если Виктория когда-нибудь это найдёт — надеюсь простит меня. Я думал, что смогу разобраться

сам. Оказалось, «сам» — самая опасная стадия.

Виктория подняла глаза от страницы. Дождь бил ровно, без пауз.

За окном — двор: гараж, забор, дальше улица, дальше город. Всё на своих местах. Всё как в тот вечер, когда ей позвонили из больницы и сказали: «инфаркт».

И она поверила. Не потому что это звучало убедительно, а потому что последние месяцы видела, как он сдаёт. Как он держится за грудь, как сбивается дыхание, как он стал тише, осторожнее, словно всё время прислушивался к себе.

Это объяснение легло слишком точно. Слишком удобно. И тогда ей хватило этого, чтобы пережить ту ночь.

Простит — за что?..

Она перевернула ещё одну страницу. Пусто. И ещё — пусто. Между исписанными страницами были блоки чистой бумаги, будто отец возвращался к дневнику раз в несколько месяцев и оставлял себе место на будущее, которого не случилось.

Виктория закрыла книгу и положила её на колени.

Автоответчик на углу стола продолжал светить одной ровной точкой.

Она смотрела на неё дольше, чем на любую страницу дневника. Знала, что там его голос. Знала, что рано или поздно нажмёт. Три месяца знала — и не нажимала. Сейчас между ней и этой клавишей больше не было ничего.

Виктория протянула руку и нажала.

Кассета зашуршала — сухо, ровно. Через мгновение раздался голос отца. Обычный, будничный, чуть простуженный.

— Вика, если ты это слушаешь, значит, я не успел до тебя доехать.

Пауза. Глубокий вдох. Он собирался с мыслями.

— Позвони Марку. Не задавай вопросов по телефону. Просто позвони и попроси, чтобы приехал. Он знает, что делать.

Ещё пауза. На заднем плане — короткий сигнал автомобиля.

— И, Вика. — Голос стал ниже, будто он ближе наклонился к трубке. — Что бы ты там ни нашла — не разбирайся сама. Слышишь? Только не сама.

Пауза.

— Я тебя очень люблю.

Щелчок.

Виктория убрала руку. Внутри — тишина, такая же пустая, как погасшая лампочка автоответчика. Она успела зафиксировать это, прежде чем осознать: ее ровное дыхание — не признак силы, а лишь отсрочка. Горе не прошло, оно ждало своей очереди. Но сначала нужно разобраться в том что имел ввиду отец.

Дневник на коленях стал тёплым от её тела. Она открыла первую страницу заново.

Указательным пальцем нашла переносицу. Прижала. Отпустила.

Она тихо сказала: «Принято». Слово-паразит давно преследовало её.

За окном стемнело окончательно. Лампа на столе горела ровно, как горела все три месяца. Виктория протянула руку к телефону, набрала номер Марка. Дождалась двух гудков.

— Алло, — сказал Марк.

— Приезжай завтра, есть информация про папу.

Глава 2 Приют «Гемина»

Получил приглашение на закрытый семинар "OrbisMed". Говорят о прорыве в регенеративной ветеринарии. Звучит многообещающе, но что-то в их формулировках меня настораживает. Слишком много слов о "биоматериале" и слишком мало — о жизни.

— Из дневника Артема Волкова

Бывшая больница Святой Марии стояла на окраине города, где жилые кварталы постепенно уступали промышленным пустырям. Кирпич за десятилетия почернел до однородного цвета, будто здание было отлито целиком. Десятки стрельчатых окон, большинство заложены или заколочены. Готические шпили упирались в низкие свинцовые тучи. Новая табличка — «Приют "Гемина"» — блестела на этом фоне неуместно, как свежая пломба во рту курильщика.

Виктория припарковалась в полукилометре, за высокой бетонной стеной. Мох и колючая проволока сверху, ржавая, обвисшая, никем не поправленная годами. Воздух здесь был плотнее, чем в городе — с примесью влажной земли и ржавчины. И ещё чего-то, что она пока не могла определить. От этого запаха немела внутренняя поверхность губ — так бы-

вает, когда долго дышишь рядом с формалином.

Она подошла к воротам. Легенду повторила про себя: ветеринар, ищу работу, слухи о частной клинике. Прозвучит правдоподобно. У неё действительно диплом, действительно нет привязки к клинике, действительно есть повод, как она думала.

Над воротами, чуть в стороне от таблички, был закреплён небольшой чёрный корпус камеры. Объектив смотрел вниз, под ним ровно горела красная точка. Виктория заметила её взглядом и отвернулась.

Ворота тихо скрипнули и открылись. В проёме стоял человек в сером халате. Его лицо было бледным, испещрённым морщинами, а глаза — цвета выцветшей джинсы. Кожа имела оттенок мышьиной шкурки, но не из-за недосыпа. Губы были синими, но не от холода — это указывало на плохое кровообращение.

— Частная территория. Вход воспрещён, уходите. — голос звучал безжизненно, как скрип несмазанных петель.

— Я ветеринар. Ищу работу.

— Работы нет. — Мужчина покачал головой. Взгляд скользнул по ней и ушёл в сторону, будто он боялся задержать его слишком долго. — Уходите.

Ворота закрылись с глухим металлическим стуком. В тот миг, когда створки сходились, из глубины двора донёсся запах — антисептик, свежее сено и что-то ещё, сладковато-гнилостное, оставляющее на языке металлический при-

вкус.

Виктория вернулась к машине. Указательным пальцем нашла переносицу, прижала. Отпустила.

— Окей, принято, — сказала себе. — Найдём другой способ узнать что там.

Она вернулась к машине, села за руль, но двигатель не завела. Опустила спинку кресла, налила остывший кофе из термоса и стала ждать.

Дождь то усиливался, то стихал. За несколько часов до темноты из ворот не выходил никто. Внутри никто не заезжал. Приют жил так, как живёт запертая шкатулка — снаружи неподвижно, внутри всё возможно.

К полуночи дождь опустился до изморози, луна скрылась за плотными тучами. Виктория выбралась наружу и пошла вдоль стены. На третьем повороте нашла то, что искала — старую водосточную трубу, выведённую к разбитому окну на первом этаже. Кирпичи были сырыми, покрытыми слизистым мхом, но занятия скалолазанием в двадцать лет пригодились и в тридцать пять. Каждое движение выверенное, каждое касание — точное.

Внутри пахло временем, пылью и плесневым затхлостью. Она оказалась в заброшенном коридоре. Обои свисали со стен, словно куски кожи, оторванные от тела. Где-то вдали горел свет, и доносились тихие звуки — мерные шаги, скрип колес тележек. За фасадом заброшки здание продолжало жить.

Она двигалась на ощупь, ведя кончиками пальцев по шероховатой штукатурке. В углу под потолком — тёмный корпус ещё одной камеры. Виктория отметила её и прошла ниже под стеной, вне угла обзора. Отметила и то, что провода от камеры уходят в стену свежие, не потемневшие: их проложили после того, как здание объявили заброшенным.

Она дошла до двери с запотевшим стеклом. Протёрла его рукавом.

Бесконечные ряды стойл, выстроенные с математической точностью, уходили вдаль. Стены сияли операционной белизной. Бетонный пол был идеально чистым. В стойлах стояли лошади — десятки породистых животных с блестящими шкурами и ухоженными гривами.

Виктория смотрела и считывала картинку за секунды.

Первое — зрачки. У всех одинаково расширены, хотя свет яркий. Это не адаптация. Очевидно, с ними что-то сделали.

Второе — движения. Слишком плавные, слишком синхронные. Без естественной непредсказуемости. Не дрессировка. Кто-то задавал общий ритм извне.

Третье — реакция. Одна лошадь уронила поилку: металл громко стукнулся о бетон. Никто не обернулся. Похоже, их сенсорные способности отключены или подавлены. Животные оставались живыми, но казались бездушными машинами.

Три наблюдения за минуту. Она не сдвинулась с места и успела сделать их быстрее, чем обычный человек успел бы

испугаться.

Работники в серых халатах двигались между стойлами. Ссутулившиеся, с опущенными головами, с лицами, лишёнными экспрессии. Мигранты, подумала она сначала — привычное объяснение для этой части города. Но они не переговаривались. Не пересекались взглядами даже с ближайшим соседом. Однотипность была слишком полной, чтобы быть случайной. Это тоже была картина, а не жизнь.

Она смотрела десять минут. Никто не поднял взгляд. И вдруг один из них — юноша с тёмными волосами и усталыми глазами — взглянул на неё.

Их взгляды пересеклись. В его глазах мелькнуло предупреждение, но страха не было.

Он аккуратно выпустил металлическое ведро из рук. Движение было продуманным, а не инстинктивным. Металл грохнул по бетону, покатился, замер. Никто из работников не обернулся, но охранник у дальней двери качнулся в его сторону. Когда охранник шагнул, парень уже нагибался за ведром. Пока он его поднимал, взглянул наверх, поймал глазами Викторию через стекло и медленно провёл пальцем по горлу. Опустил взгляд. Продолжил работу.

Виктория запомнила его лицо. Не для того чтобы вернуться и спасти. Для того чтобы узнать при следующей встрече. Он был единственным в этом зале, чьё сознание ещё работало.

Она отступила от двери. Стекло начало запотевать — за

несколькосекунд картина растворилась.

Не приют, поняла она. Выставка живых манекенов.

В углу над дверью — ещё одна камера. Виктория посмотрела прямо в объектив. Секунду. Потом отвернулась и пошла дальше по коридору.

Где-то дальше, за пределами белого зала, было что-то ещё. Оттуда тянуло тем самым сладковато-гнилостным запахом, который она уловила у ворот. Здесь он был плотнее.

Она пошла на этот запах.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.